

**Калинников А. А. Иммануил Кант в русской поэзии
(философско-эстетические этюды).
М.: «Каион+» РООИ «Реабилитация», 2008**

Кант в русской поэзии — этой теме, на примере творчества Пушкина, Вл. Соловьёва, Вяч. Иванова, профессор Калинников уже уделил довольно много внимания в монографии «Кант в русской философской культуре». Основным объектом тогда была полемика русской религиозной философии с философией Канта. В новой книге автор стремится показать, что поэзия как квинтэссенция искусства не могла остаться в стороне, однако в мировой художественной культуре это, по его мнению, уникальное явление. Отмечается и обратное влияние: глубокий интерес к Канту проявляла художественная интеллигенция — и это не могло не сопровождаться интересом профессиональных философов к рецепции его идей. Упоминание в стихах чьего-либо имени не бывает случайным, оно свидетельствует о том, что названный человек занимает в сознании поколения постоянное и прочное место.

Цель Калинникова — доказать, что один из истоков величия и всемирного признания русской поэзии — её постоянный диалог с одним из гениев, составляющих ядро *мировой* культуры. Ещё одна заявленная цель — показать возможности поэзии в обращении к личности Канта, в обнаружении единства логики и поэтики в его стиле мышления, единства его идей и фактов биографии. Показать, что взгляд поэтов на Канта — особый, более гибкий и многосторонний, чем философский.

На четырёх сотнях страниц обозревается вся послекантовская эпоха, от начала XIX до начала XXI века. Дополнен анализ уже затронутых профессором поэтов, представлены новые имена. Но исследуемая область далеко не исчерпывается этими именами и произведениями, автор называет свои шаги в ней первыми, пробными, и уверен в больших перспективах. Книгу можно назвать «История русской поэзии в её связи с Кантом». В ней три части, соответственно трём этапам этой истории: начало золотого века (первая треть XIX века), серебряный век, эпизоды железного XX века. Частично книга основана на ранее опубликованных статьях автора. Жанр работы — философско-эстетические этюды, самостоятельные, но пронизанные единством авторского понимания Канта и особенностей русской духовной культуры. Местами в них даётся новое оригинальное изложение идей великого философа, автор полемизирует с прежними толкованиями философских идей поэтов.

Четыре десятилетия на рубеже XVIII—XIX веков — «первый кантианский век» в Европе. Кантианство было одним из главных источников мировоззрения декабристов. Но тезис автора о том, что из Канта был извлечён призыв к активному действию, следует понимать очень осторожно. Из анализа стихов и писем поэта В. Ф. Раевского — «первого декабриста», арестованного в 1822, — ясно, что этот импульс был очень абстрактным (особенно если вспомнить о негативном отношении Канта к революциям). Кант *мог* содействовать выработке программы преобразований, но до глубокого и правильного понимания его практической философии было ещё далеко.

Друг Раевского А. С. Пушкин свободнее владеет «кантизмами» и шире использует их. Автор убедительно доказывает, что великий поэт, разрабаты-

вая свои сюжеты, специально изучал точку зрения Канта и, опираясь именно на неё, превзошёл в духовном развитии как Просвещение, так и романтизм. Главной темой романа «Евгений Онегин» и поэмы «Цыганы» оказываются отношения любви (счастья) и долга. Ставится проблема в сюжете по-разному, решается на одних основаниях, по-кантовски: долг выше любви-симпатии, но вполне совместим с любовью-уважением. Татьяна Ларина и Ленский, живущие из уважения к долгу, — герои душевно и духовно полноценные, а их антиподы — ущербны. Во «вставном эпизоде» к этой главе Калининков однозначно отвечает на спорный вопрос о том, какое же место занимали любовь и брак в жизни и мнениях самого кёнигсбергского философа. Кантовской теории гения соответствует пушкинский образ Моцарта, при этом поэт не претендует на исторически правдивую версию его отношений с Сальери.

Вторая часть книги начинается разбором творчества Владимира Соловьёва. С защиты его диссертации началось уникальное по масштабам увлечение российского общества философией — и он же в пьесе «Альсिम» высмеял моду на Канта, возникшую во второй половине XIX века в университетских кругах России. Осмеяна в стихотворении «Из письма» и поверхностная интерпретация трансцендентальной философии. Во «вставном эпизоде» к этой главе профессор Калининков пытается кантианскими средствами рационализировать категорию «София». Она обозначает единый для познаваемого и познающего центр, обеспечивающий истинность познания, представляющий в них обоих истинно-сущее начало, т. е. Бога. Соловьёв не нашёл такого звена в философии Канта и упрекал его в отсутствии достаточно ясной позиции по этому вопросу, что отчасти справедливо. Но связующим звеном можно считать свойство мира вещей в себе быть совокупностью всего возможного опыта (свойство процесса познания быть потенциально бесконечным), и свойство природного мира быть системным целым. Казалось бы, кантианский аналог «Софии» найден, но, судя по заключению раздела, автор не вполне удовлетворён этим и полагает, что лишь обозначил условия поиска.

В следующей главе определяется философское мировоззрение Валерия Брюсова: это близкий прагматизму позитивизм, склонный последние философские вопросы решать скептически. Среди истоков этого мировоззрения, как ни странно, есть идеи Канта: с их помощью поэт боролся с догмами религиозного миропонимания. В среде символистов такое отношение к Канту уникально. Анализ текста стихотворения «Баллада» показывает, что оно обращено к Андрею Белому, в чьём мировоззрении столкнулись несовместимые друг с другом идеи Канта и Соловьёва. Этот конфликт привёл Белого к любовной трагедии, участником которой стал и Брюсов.

Третья глава — о Мережковском, в чьей поэме «Протопоп Аввакум» можно найти спор с Кантом по проблеме лжи во спасение. На это откликнулся Вл. Соловьёв и выразил свою точку зрения на проблему. Калининков показывает, что спор возник в результате недостаточного понимания позиции Канта по этой проблеме. А оно, если опустить нюансы, таково: для спасения жизни человека должны быть использованы все средства. Драматическая сказка Мережковского «Возвращение к природе» рассматривается как философское произведение об отношениях человечества с природой и их влиянии на отношения между людьми. Агностически понимаемый Кант противопоставляется толстовско-русоистской утопии и ницшеанской антиутопии, но разрешается проблема с помощью идей Владимира Соловьёва.

Далее речь идёт о творчестве Андрея Белого, о его сложной автобиографичной поэме «Искуситель». Этот поэт сопротивлялся влиянию неокантиан-

цев, немецких и русских, стремился критически преодолеть и самого Канта, но всё больше становился кантианцем. Теоретическая основа символизма Белого — «Критика способности суждения». Связь Канта с символизмом вообще — тема третьего в книге («вставного эпизода»).

От кантианца Белого автор переходит к тонкостям восприятия Канта последователями Соловьёва, сторонниками религиозной философии Вячеславом Ивановым и Александром Блоком. Профессор Калинин уточняет основу взглядов Иванова: это не только платонизм и неоплатонизм, но и аристотелизм. Кантианский символизм Иванов назвал «идеалистическим», а свой, аристотелистский — «реалистическим». Впрочем, в гносеологии этого символизма имеет место синтез аристотелизма и кантианства, они дополняют друг друга, в этом Иванов следует за своим учителем Вл. Соловьёвым. В философии Канта Вячеслав Иванович увидел антихристианский призыв к самонадеянному индивидуализму. Вместе с тем их учения объединяет антропологизм. Поэт внёс новшество в понимание системы Канта: она не дуалистическая, а триадическая. Помимо царств вещей в себе и природы существует третье царство — человека, субъективного сознания.

Предпоследняя глава второй части посвящена связи образа звёздного неба с моральным законом в мировоззрении Канта и в русской поэзии и «опозитизированной» прозе XIX — начала XXI века. Завершается обзор серебряного века этюдом о переводе Эллисом (А. А. Кобыляинским) двух стихотворений Шопенгауэра, одно из которых называется «Канту». Как известно, философия Шопенгауэра существует благодаря Канту в такой же мере, как и неокантианство, и русская поэзия Серебряного века испытывала к ней большой интерес.

Обзор XX века начинается с Марины Цветаевой. Это представитель серебряного века, поэтому её обращения к Канту естественны. Она — «поэт не метафизический» и всячески умаляла своё понимание философии Канта. Однако он много значил для неё: как фигура номер один в духовной культуре её второй родины Германии, как источник общего мировоззрения, и в частности теории гения (поэта). Социалистическая идеология враждебна философии Канта, но на его стороне в осмыслении истории XX века и роли философии в ней советский поэт Е. М. Винокуров. Стихотворение Фазиля Искандера «Тело и мысль» появилось уже в начале нового тысячелетия, в дни двухсотлетней годовщины смерти Канта. В нём поэт поднимает проблему соотношения тела и духа. Вопрос, решённый Кантом, ставится на примере его жизни.

В завершение книги — о двух поэтах Калининграда, сегодняшних земляках великого философа. С. А. Снегов, по сути, сторонник Канта в теории познания, но, не зная об этом, находился под влиянием превратных агностицистских толкований философа — и поэтому спорил с ним. С. Х. Симкин — переводчик стихотворений Канта (их дошло до нас всего два). Отвечая на его стихотворение «Переводя Канта», Калинин излагает Кантову философию поэтического искусства.

Новая книга А. А. Калининкова — это труд не только по истории философии и собственно поэзии (литературы), но и культуры в целом. В поисках философских корней русской поэзии автор не останавливается на Канте, показывает переплетение этого философского источника с другими. То же самое относится к поискам поэтических отзвучий на философию. Вместе с этим читатель получает довольно подробные сведения, целостное представление о жизни и личности этих поэтов и философов. Отслеживается, при-

чём в динамике, личное восприятие Канта поэтами, зафиксированное не только в стихах, но и в письмах, воспоминаниях, трактатах (поэтов серебряного века). Диалог личностей по возможности строго отделяется от диалога идей. Присутствие немецкого философа выявляется вплоть до «незримого» — в обсуждении тем, прочно связанных с его именем в истории науки и философии. Философское толкование поэзии — сама по себе очень сложная задача. Автор демонстрирует в её решении особую изобретательность, глубокие познания и в литературе, и в точных науках: на их языке написаны зашифрованные письма поэтов — делается попытка расшифровать. На этом языке возникают порой в кните и литературные образы самого профессора. Язык её живой, адекватный предмету. Данная книта станет заметным явлением в литературе о влиянии Канта на русскую культуру и послужит стимулом к дальнейшему её исследованию.

А. С. Зильбер

Об информационной системе RATIO кафедры философии и логики РГУ им. И. Канта

С 2006 года в рамках информационной системы RATIO кафедры философии и логики РГУ им. И. Канта, направленной на поддержку исследований проблемы рациональности, успешно функционирует и активно развивается web-портал RATIO (<http://ratio.albertina.ru>). В качестве основных компонентов данного портала выступают исследования в различных областях знания, наиболее тесно связанных с проблемой рациональности: логике, теории аргументации, риторике, методологии науки и аналитической философии. Одним из таких компонентов является большой блок, посвященный философии Иммануила Канта и отражающий специфику научно-исследовательской деятельности кафедры философии и логики, частью которого является раздел «Кантовский сборник».

Структура портала RATIO

Web-портал RATIO на настоящий момент состоит из следующих разделов:

- электронный словарь терминов,
- электронная библиотека,
- публикации,
- Модели рассуждений,
- «Кантовский сборник»,
- Кантовские чтения,
- конференции,
- форум,
- новости.

Словарь терминов

Электронный словарь основных понятий указанных областей знания составляет ядро информационной системы RATIO. Задача словаря — предос-